

WWW.UNILIB.RS

УНИВЕРЗИТЕТСКА БИБЛИОТЕКА

Ш О Д У Н А В К А

№ 48.

Београдъ 5. Декембра.

1847.

БОГОНМЫ!...?

ЕЗЫКОЯВЦИ? . . ? НАРОДОЛЮБЦИ! . . . !

ПАКЪ И ОБРАТНО!...?

СЛАВА ИМЪ СВЕТРОИМ!!!

Ръчь када е найпріе постала,
 Одма Творцу свом' се обратила,
 На створеню захвалит' му своме,
 Свемогуѣство л' свеславит' нѣгово;
 Пакъ и Богъ се рѣчи суобштію,
 Явіо се разумъ и свіете,
 Да г' изближе виѣа и узнава
 Тварь словесн , подобѣмъ небесна,
 У нѣг' слави да се вѣчно слави
 Циглымъ ликомъ Бога свог' прилкомъ.
 Напреникъ е то схватио Спаса,
 То изреко, Богъ што непорекю,
 Што л' е пошь и свакъ разумъ здравый;
 Цѣла с' людства снагомъ опасала
 Едног' слова, едног' у нѣм' духа,
 Тим' постала исполинска тѣла . . .
 То и црвву наздало е божию,
 Едну, праву , и с' тог' неколебну — .
 Благо роду, преблаго народу,
 Тко чуйствуе у свом' слову Творца,
 Свог' и обштег' васелене Отца!...!!?
 Већ' у сама поста божа храма — .
 Чим' се већ'ма Свевышній прославля,
 Но духъ нѣговъ када се появля?
 Кома л' пріе да слѣдуе людство,
 Нег' ли своме божѣг' духа дару? . . .
 Тко л' ће людскимъ божѣ замѣнути,
 Тко ли туѣе туѣем' наметнути? . . . ?
 Найправіе башъ е и најболѣ,

Сватко своимъ да се словомъ дичи,
 Ал' нѣм' нитко да с' лудо некичи,
 Сватко своимъ да с' и словомъ служи,
 Пакъ да нитко за то се нетужи . . .
 Тко л' рећ' сміе, то да право нів!...!?
 Истину л' е вѣчно распиняти,
 Людства л' благо навлашь поражати?...?
 Исти владци одреку с' властелства,
 Кад' улюдность одбаце човештва,
 Тим' свакъ чоекъ себе подкопава,
 Што ли више јошь се одчовеча,
 А највише за то с' и страдало,
 Одъ првога грѣха и човека;
 Себноѣа е займъ осмрѣла,
 Наопако нѣга изврѣала,
 Да се човекъ свог' и духа срамлѣ . . .
 Ал' ясноѣа већ' осулча јавность
 Свега свога дружтва словеснога,
 Те и нашегъ исто Славенскога,
 Већ' кумиру паметь некланя се,
 Брѣ свеобште добро познава се,
 И то нам' е правога Бога даре,
 Тим' е вѣчанъ, тим' се и прославля,
 Одъ искона до у завѣчие,
 Докъ е тварца, пакъ и докъ е Творца! — .

Дакле благомъ, и озбила драгомъ
 Топрѣ свима браћи Хрватима!...?
 Съ нов' узнаше, да езыхъ вмаше,
 Свой роѣный Славствомъ наплоѣный,
 Свямъ е богатъ, сваком' узанма,
 И свег' за се јошь обилно има,
 Варваризмн сви ту ништ' неможу,
 Тек' за нѣ' пытай свакъ Бороев' Никца,
 Ил' другога сваког' крашника,
 Брата Срба, ил' ти Рассіяна,
 И то ти е правога Славляна,
 У том' пейма зрнца одъ Иллра,

Нит' у нѣм' га было, нит' ње быт' га,
 Башъ и свѣтъ да с' препочне новыи...
 Пакъ и чуйте свог' свебрата браѡ,
 Окидайте сметлѣ изъ зыка,
 Славъ в свагда правый Херкулъ добра,
 Туѣзми га тек' му осмрадили;
 Раздвойте талогъ одъ быстрине,
 Све отурте, што в у нѣм' туѣ
 И по крою, и по ума строю,
 Славъ обога за се има тога,
 Потребляйте што і' свойтини свойно,
 Премъ маньма чешѣ в слабина,
 Мудрость іой в къ веѣм' с' привіяти,
 Пакъ ето вам' слова и зыка,
 Славнѣга одъ сваког' туѣга,
 Ким' вам' браѣ милиони зборе,
 Наши свеци киме къ нам' жуборе,
 И сви кнѣзѣцы къ Богу и свѣту...
 Ет' и зыкъ за сву државину,
 За судъ, школу, и за исту цркву...
 На што сте га топрвѣ изазвали,
 На што д' могли давно требоват' га,
 Да о своме брѣжит' незрели,
 По готову нѣг' се и одрекли,
 Съмъ неколка ядна учевника,
 Што матерски нѣга сачували,
 Чуваюѡи дост' га оживяли...
 Изъ дома га туѣ' веѣ' неистиште,
 Башъ никада довіекъ одсада,
 Ерѣ чим' Богъ се, тѣме и царѣ слави,
 Тварь одъ Творца быт' неможе боля.

(Ковацъ сѣдуе.)

РУПА НА РУКАВУ.

(Продуженіе.)

И исчезну сва дивота природе; све в ту
 безъ чувства лежало; славуи нѣе быо више сла-
 вуи, него звиздуѡа птица; езеро обрашѣно
 чбуновима на подножію господарскогъ брежуль-
 ка бѣше земляно корито пуно воде. Мрзило га
 в на свѣтъ гледати, ерѣ му в быо безъ новости,
 безъ живота као каква подрта хальина. И са-
 ми стихотворци нису были кадри нѣгово уобра-
 женѣ окрилати, премда в то изъ свегъ срца же-
 лю; нѣвци природе учинѣ му се несносни, а
 пѣвци любави као да су полудили.

„Ей Благое да одъ Бога наѣшетъ, шта учи-
 ни одъ себе?“ говорио бы на само. „Та ты я-
 машъ понайвеѣу рупу на рукаву!“ — Звекне му
 на послѣдку у глави будъ в чворѣ.

Четири неделѣ проѡше му као четири го-
 дине. Босилька се врати съ нѣномъ майкомъ.
 Науміо в, да в сасвимъ ладно прими и заоста в
 некій мирѣ у срцу осѣѡао. — Но та несташна
 дѣвочка! — была в нѣму у пркосѣ много лѣп-
 ша, него пре. Нѣна в радость была искренна,
 што се у Старокову опетѣ налази. Баца по-
 гледѣ вданѣ на сиромаша Благое, изъ кога іой
 се душа смѣяла; пружи му руку као мимогредѣ,
 — затимъ — ерѣ в башъ онда надзиратель у-
 шао у собу — падне староме и неотесаноме
 томъ господину око врата.

Благое нѣе чисто смѣо тамо погледати. Не-
 што ватрено и нешто жалостно преѣе му преко
 срца „Тогѡ дакле люби?“ помысли у себи, и
 чимъ му пристойность допусти, отиде у полѣ и
 стане свирати неку просту пѣсму.

Домаѣи мирѣ быо в нарушенѣ. Харѡа и
 клавирѣ занѣме. Съ Босилькомъ се редко раз-
 говарао; нѣгови одговори бывали су краѣи, не-
 го нѣна питаня. Кадѣ в долазіо куѡи, нестало
 бы нѣне веселости съ лица, а кадѣ в одлазіо,
 погледала бы ѡтаюѡи за нѣмъ.

Вѣсти о г. Мартину.

Едно ютро, кадѣ су доручковали, доѣе чо-
 векѣ некій съ писмомъ г. банкѣра Кованиѡа.
 Кадѣ га Благое отвори и стане читати, побле-
 ди као иста крпа. Остали су ѡтали; но нѣе
 іймъ се сакрити могла промѣна на нѣговомъ ли-
 цу. Доносителя писма врати натрагъ, па после
 отиде у свою собу и забрави се. Нѣе у подне
 ни на ручакъ долазіо, г. Добриѡка однела му в
 сама вло у собу, ерѣ в сасвимъ много посла
 имао. Она отиде ѡтаюѡи, нити в каковъ лю-
 бозытнѣи вопросѣ изустила, но изъ нѣногъ ли-
 ца и погледа могла се састрадателность чита-
 ти.

Тай погледѣ нѣе се подкрао Благое, кои в
 съ мѣста са столице ѡиіо и г. Добриѡку за
 руку ухватіо: „Я сутра са зоромъ одлазимъ.
 Вы ѡете у Старокову другогъ управителя до-
 быти. Я вамъ благодаримъ на пріятельству ва-
 шемъ. До вече ѡу вамъ више казати.“

„Шта?!“ повиче г. Добриѡка; „зарѣ хоѣете
 да насѣ оставите? та вальда не на свагда?“

„Лако може быти, да се неѣнемо више ви-
 дити.“

„Али за име Божіе зашто? — Може ли г.
 Црвениѡъ“

„До вече ћете више чути,“
 Бугаюћи и плачући остави га г. Добрићка. Благое продужи свой посао. Већ се на едно дѣло рѣшио. На своје мѣсто поставио е еднога младога правослова, кога е у оближњој вароши познао, и како њему, тако и надзирателю написао е пространо настављеније о стану послера; па кадъ се сутонъ почео хватати, онда е предузео спремати све, што му е потребно было, ерѣ е мысліо предузети путь у Источну Индію.

Г. Кованић послао му е едно писмо г. Мартина изъ Калкуте у Бенгалии. Г. Мартинъ являо е у писму, како при свомъ његовомъ праву ніе могао свое добро добыти, ерѣ ніе имао новаца, да адвокатима плаћа. Радо бы се у Европу повратио, но оскудѣва му путный трошакъ; радо бы и радіо, но старъ е и незна Англескій езикъ. Молио е г. Кованића, да се о младомъ Благою, кога е онъ воспитао, извѣсти и да му његову судбину саобшти и да му каже; како само на њѣга единого сву надежду полагае. Г. Кованић нека му пише и нека га запыта, хоће л' ићи г. Мартину и његове се парнице примити и хоће л' га до смрти надгледати? Ако бы се Благое на таково што рѣшио, молио е г. Кованића, да му даде новаца, колико му е потребно на путь, у случаю, ако е Благое одрећены му двѣста талира већ потрошио.

„Ако Благое,“ тако се заключаваше писмо, „неузмogne доћи, да ми помогне или ме рани, или ако незнате гди е или nebude живъ: то васъ молимъ, да се смилуете на мене изъ любви нашегъ старогъ познанства и да ми пошлѣте што новаца. За ово неколико дана, што јошть живити имамъ, не треба ми много.“

У смотренію овогъ писма учинио е г. Кованић своя примѣчанія, одъ прилике слѣдующегъ садржаа:

„Немойте се, любезный управителю, о судбини доброга Мартина печалити; ерѣ љу на свакий начинъ за њѣга штогодъ учинити. Да нећете вы изъ Старокова у Источну Индію отићи и едномъ старомъ човеку, — Богъ зна да ли е јошть и живъ — ризичну парницу терати или га у старости са столарскимъ занатомъ ранити, то се и одъ сама себе разуме. Я незнамъ, како е тай добрый человекъ на ту мысао доћи могао? Истина да му е ово већ шесеть-прва, или шесеть-друга година, а може быти да е доста и збогъ тога остарио, што су му планови рѣаво за рукомъ изишли. — А што се осталогъ тиче,

вы сте довольно везани уговоромъ, кои сте са мовимъ пріятельмъ г. Црвенићемъ заключили. Вы морате — за сада е у Регенсбургу, гди ће само до двадесеть-деветогъ овогъ мѣсеца остати и онда ће се за цѣло натрагъ у Паризъ вратити — найпре съ њиме стварь окончати; ерѣ само е онъ кадарь, да васъ одъ ваше должности ослободи. А человекъ нашегъ характера заиста ће свою рѣчь одржати. Ако наћете за добро, да г. Мартину мало новаца пошлѣте, то самъ готовъ, да му такове средствомъ сигурны полица доставимъ. У томъ случаю молимъ да ми брзо явите колико. Ерѣ време не треба губити; я љу мећутимъ г. Мартину явити, да я самъ могао дознати, у комъ се мѣсту налазите и тимъ ћете се кодъ нѣга довольно извинити.“

„Г. Кованићу!“ повиче Благое дркћућимъ устнама и сузнимъ очима, кадъ е ова писма прочитао: „Г. Кованићу, ты си правый угурсузъ, пуњ политике и найподліи человекъ съ найвећомъ учтивосћу, као што су обично данъ данашній наши добродѣтельны люди. — Я самъ Мартиновъ сынъ и његовъ поглавитый дужникъ, ерѣ ме е онъ човекомъ начинио. Айд' Благое у Источну Индію, помози твоему отцу!“

Све спреми за путь, што му е годъ потребно было.

Борбе.

Надзирателю саобшти што е найиужднѣе, да се збогъ његовогъ наглогъ одмазка ништа пропустило небы; јошть му и то каза, да ће на Регенсбургъ ударити и одъ г. Црвенића одпустъ изъ службе искати и да ће га молити, да представљногъ управителя потврди.

Г. Добрићка топила се у сузама; а Босилька сѣђаше у едномъ углу трапезаріе, кадъ е Благое унутра ступио.

„За цѣло?“ запыта г. Добрићка.

„За цѣло. Я морамъ одлазити у Источну Индію и може быти да се нећу нигда вратити.“

„У Источну Индію“, цикну г. Добрићка и у то исто магновенѣ побледи Босилька. Нѣне руке клону као пресѣчене на крило.

Благое, занетъ сасвимъ несрећомъ свога поочима, ніе видіо, шта дѣвојка чини; ніе видіо, како е подобно узабраномъ крину на столици клопула, немаюћи снаге, сзъка и суза, само гледаюћи у њѣга скоро угашенимъ очима. Благое приповѣди шта му е г. Мартинъ, приповѣди и његову садашню судбину, затимъ е говорио о срамномъ предложенію г. Кованића и на послѣдку шта е дужанъ у смотренію свега тога чинити.

«Ніе л' истина? Я бы было найвећій угурсузь, кадъ бы сада у Старокову остао, па макаръ да ми е овдѣ рай земный, а на мору да ме очевидна смръть чека!»

«Е де де!» рече надзиратель: «вы сте се подалеко упустили.»

«Не,» повиче г. Добрићка ецаюћи, «то е лѣпо одъ васъ слышалъно, али опеть може быти да е мало пагло. Кадъ бы се вы крозь неко време промыслили; — и преко ноћь дође што паметніе у главу. Та то е страшно!» — При томъ погледа на свою взнемоглу Босильку.

Она се окрене матери съ мртвачкимъ лицемъ и ревне яснымъ гласомъ, као да свою последню снагу напреже: «Мати, мила мати, немой му срце парати. Онъ мора одлазити, мора! несме остати.» — Затимъ падне у несвѣсть.

Г. Добрићка цикне; Благое полети іой у помоћь, а надзиратель повиче на служкинь. Босилька буде у нѣну собу однешена. Донесу ладне воде да ю полю и іоштъ неке мирисаве ствари — четвртъ е сата прошло, докъ е къ себи дошла. Но чимъ очи отвори, рече їймъ лагано: «Шта сте учинили? Мени е было добро. Садъ знамъ, како е сладко умрети.»

Г. Добрићка была е удалила Благоя. Радостна, што іой се Босилька у животь повратила, потражи га опеть. Онъ е было у башти, бледъ, држећи се за едно дрво, ерѣ су му се колѣна пресѣкла была. — «Одите, дошла е къ себи. Пыта за васъ.»

Єдва е дошао до Босилькине собе. Сѣдила е на столици. Благое узме єдну столицу до нѣ и неговорећи ништа гледао е само у нѣно бледо лице, на коемъ се слаба румень показала, кадъ е онъ у собу ступіо.

«Я самъ васъ обезпokoила,» рече смѣшећи се: «жао ми е. Нисамъ могла иначе. Но мени е добро было.»

«А садъ?» запыта Благое дркѣући.

«Врло ми е добро. — Рада самъ да васъ виђамъ, докъ сте іоштъ ту. Вы ћете то допустити? — Мати, дай ми єдну чашу старогъ вина; и г. Благою подай єдну. Много е сиромахъ претрпіо; треба да се мало оснажи. Нѣговъ е духъ ячій одъ нѣговогъ тѣла.»

Мати отиде

Благое погледа у Босильку — учини му се као да сая. Тако нѣжно участіе нѣе онъ одъ те дѣвойке нигда очекивао. —

(Далѣ саѣдуе.)

ОДЗИВЪ ВОСПИТАТЕЛЯ ЖЕНСКОГЪ.

(Конаць.)

Осимъ явного дописа г. М. взволяше и приватно ми писати нека учена лица, кои радујоћи се

изъ искренога родолюбія *Воспитателю*, ободрше ме у моему предузетку, и своимъ совѣтима подпомогше. Будући да їймъ я нѣсамъ свима одговоріо изъ недостатка времена, улучаемъ ову сгодну прилику да їймъ се извинемъ, мою благодарность изьявимъ, и замолимъ да не припишу мой мукъ каквой гордости, или неуваженію нѣины мнѣнія. Я самъ иста напротивъ помнѣиво размотріо, и сва она приміо протива кой нѣсамъ претежніи нашо. Тако на препоруку свѣтлога *Томаса* «да духъ правонаравности у свему дѣлу узлада, и да морална поученя што выше строга и развита буду» я самъ у трећой свезки преиначю овима планъ, и у мѣсто кратки сентенция написао подугачакъ чланакъ. Сентенцие самъ до сада предпоставляю чланцима боѣши се да дужина овы а сувопарность предмета не уморе лаку и нестрпѣливу наравъ женску; али истина е права да се у чланцима даю обширніе и яснѣе развити мисли, те полезніе дѣйствую; сбогъ чега самъ їй и одабрао. Г. Н. ѣъ желіо бы да мало обширніе пишемъ *Историю Славянскогъ кнѣжества*. Я се немогу приклонити къ мнѣнію почитаемога дописателя изъ тога узрока што пишемъ за жене, а не за учену класу людій. Ово нейма се никако съ ума сметнути при оцѣниванію *Воспитателя*; я не пишемъ ово дѣло за постићи какву кнѣжевну славу, него само за повући на путь изображеня нашъ женскій полъ, а у той роли треба ми се пристойно ограничити; када самъ я дао наипрѣ нѣка общта и главна понятія о кнѣжеству, и у общте изображенію сваке Славянске гране, пакъ одъ сваке именовано найодличнѣе списатель и нѣнна дѣла, те на концу у мало черта назначіо и особиту физиономию нѣннога ума, то е мысамъ, довольно за жене югославянске, особито у почетку нѣновога развитка. — Оному господину кои ми е послао єдну приповѣдку да ю издамъ у *Воспитателю* перадо являемъ, да немогу нѣговой воли угоудити; тому е найвећій узрокъ што у приповѣдки нѣговой неувѣща се никакве моралне цѣли, а то е главно условіе сваке приповѣдке *Воспитателя*. Препоручуемъ г. Списателю да и онъ у своимъ будућимъ саставцима на ту цѣль особито узмотри, да людина храбрій чувства пода, да о истинности и развѣию характера себи набани веќе знаѣ, а чѣсте извавредне случаеве да избѣгава. —

Почемъ самъ моимъ дописательнма захваліо, остае ми молити їй да ми и у будуће не одрекну свои мнѣнія гдѣ годъ се нужда покаже. Сваке примѣтбе, явне или тайне быле, кое ми уздолазе изъ поштена срдца и разумне главе, быће одъ мене примѣне найвећомъ признательносѣу, ерѣ по нѣма единственно я ћу доћи у станѣ да болѣ усавршенствуемъ мое дѣло; али на подбоцкиваня, на критизираня и ма каква провоцираня людій малодушны а безъ довољнога и таланта и учености, я ћу савршено прешутати.

Матія Банъ

Учредникъ Милошъ Поповићъ.

Издано и печатано у Правителственой Книгопечатни у Београду.